

М.ВЕЛЛЕР

**НА ВОЛЮ,
В ПАМПАСЫ!**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

В27 На волю, в пампасы! / Михаил Веллер. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Книги Михаила
Веллера).

ISBN 978-5-17-119464-2

Это книга про скотогонов и бродяг, охотников и строителей,
жуликов и журналистов, офицеров и экскурсоводов — смешные и
пронзительные истории золотой эпохи Советского Союза, расска-
занные блестящим рассказчиком, который пережил все это сам.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПАМПАСЫ

КОЛХОЗ

Дорога в жизнь начиналась с водки с картошкой. Водку пили, картошку собирали, совмещение этих занятий называлось счастье труда.

На этой дороге меня и сбил автобус. Мы шли по обочине с поля на обед и любили Чехова. Чехов гениально сказал об идиотизме сельской жизни.

Автобус смахнул меня по касательной в левый бок и плечо. Я осознал толчок и полет, открутил высокое сальто и пришел на бок, сгруппировавшись. Когда я вскочил, зеленый автобус небыстро удалялся, вихляя. Потом мне сказали, что он был желтый с синим низом. Наложение цветов.

Во-первых, штаны у меня лопнули с боков по швам, и отворились спереди до колен, как отстегнутые флотские клеши. И я пошел, держа штаны руками. Во-вторых, я упал головой в двадцати сантиметрах от здорового валуна, и еще долго переживал. В-третьих, судьба посулила, что нет мне добра от сельскохозяйственных работ. В-четвертых, вместо обеда меня тошнило.

Колхоз предавался трем занятиям: а) спивался, б) разбегался, в) выполнял план. С первыми двумя пунктами

он успешно справлялся сам, в третьем требовал помощи. Народ бросали на помощь. Вдохнув сельского воздуха, народ начинал спиваться и разбегаться.

Итак, по утрам бригадир ставил нам дневное задание. Корячась носом книзу, нерадивые рабы ковыряли из борозд картошку и бросали в ведра. Начиналась изжога. Сельский пекарь был редкий умелец. От его черных глиняных буханок аж скрючивало. А с наклоном жгло душу от пупка до ноздрей.

Наполненное ведро высыпали в ящик. Полный трехведерный ящик опорожнялся в тракторный прицеп. Это был небольшой, полутонный кузов. А трактор был типа мини-«Беларусь». Садовый ДТ-20. Простая колесная машина.

Это была дурацкая работа по дурацким расценкам. У земледельца вообще мало шансов разбогатеть. Но поправить свое положение можно.

— Пацаны, накидайте-ка мне кузовок картошечки получше, — сказал тракторист нам троим. Мы с Вовкой и Серегой держались вместе и в слабосильной команде делали что труднее. — Почище там, поровней!

И заржал. Он был рыжий, его звали Васькой, он был всегда поддат и всегда ржал. Иногда он ложился на полчаса поспать в траве у поля, а трактор вел по борозде от ящика до ящика один из нас. У руля ходил огромный люфт, а остальное примитивно.

— Вон там давай, там с верхнего края она посуше! — указывал и командовал он.

Кому и тракторист начальство. Работяге по фиг дым. Накидали и забыли.

И вот вечерняя идиллия. Кусты, пруд, закат, деревянный дом на холме. В кустах сырость, пруд воняет,

в доме на нарах лежим мы, соломенные тюфяки пролеживаем. Небогатый ужин внутри бурчит, не может перевариться. Заходит один:

— Там к вам пришли. Зовут.

— Кого — зовут?

— Говорят — Мишка, Серега и Вовка.

Отродясь к нам в этой деревне никто не приходил. Бить? Так мы и на танцы не ходили...

— Возьмем-ка лопаты, — рассудил Серега. — Не мешают.

И мы с лопатами наготове крадемся на полусогнутых. А за кустом сидит наш Вася и ржет:

— Так копать понравилось, что и за стол с лопатой?

Он распахнул ватник, как петух крылья, возвещая заветный час. За пояс были заткнуты четыре бутылки. Так матросы бросались под танк. Мы не поняли, откуда что зачем.

— Так картошка! — ржал Васька. — Старушке ссыпал в подпол, Егоровне! Считай, по два рубля мешок. Двадцатку дала. Я уже одну выпил. И похмелиться оставил. А это ваше. Вместе. Вы чо?

Мы растроганно впечатлились. Возбудились. Сгоношили закуску: хлеб, огурцы и томатную пасту. Газету подстелить и кружку на каждого.

Васька развел пузырь на троих, а себе по донышку:

— Пацаны, это вам, я уже!

Звяк, бульк, кряк, хэк! Хорошо пошла! Кто как, а я сто пятьдесят залпомпил впервые. Этот молотовский коктейль назывался «Охотничья» и градусов имел сорок три оборота.

Мы хрустнули огуречно, зажевали черняшкой, омокнутой в томат, и улыбнулись друг другу в теплом и ласковом мире.

— Хорошо пошла! — ржал Васька, и мы закурили, вмазавшие мужики после работы.

Дальше произошло неожиданное.

— Между первой и второй — промежуток небольшой! — объявил Васька и развел вторую бутылку.

Мы-то думали, что три оставшиеся он отдаст нам так. И мы распорядимся добром когда захотим. И отнюдь не сразу.

Наш матерый механизатор взялся за дело всерьез.

— За все хорошее! — провозгласил он, и мы выпили.

Пить оказалось делом нехитрым. Но мысль о последствиях пугала. Это была последняя отчетливая мысль.

Оказалось, что мы обсуждаем политику и проблемы сельского хозяйства. Расценки низкие, на трудодень хрен целых шиш десятых, начальство все берет себе, а народ ворует все остальное. А народ у нас — никого ничего не колебает.

— Васька, а у тебя почему трактор без аккумуляторов?

Трактор он если глушил, то всегда на взгорке, и заводился на свободном ходу.

— Да не дают мне аккумуляторов.

— Почему?

— Да я с аккумулятором вообще весь колхоз разво-
рую! — ржал Васька.

Третья бутылка не напугала нас совершенно.

— Пацаны, молотки, по-нашему держим!

У Сереги в руках образовалась битая гитара, собранная им буквально из щепок, найденных в кустах за клубом:

Мы с миленком целовались
От утра и до утра,
А картошку убирали
Из Москвы профессора! —

со старательным чувством орали мы, поддавая удали на матерных строках.

Мы обнимались и хотели все быть трактористами, а Васька убеждал, чтоб ноги здесь никого не было.

Из последней бутылки наливали какой-то девице, она тянулась к Васькиному плечу и бесконечно канючила:

— Ва-а-ся-а, ну возьми меня на блядки!

— Уйди, дура!

— Ва-а-ся-а, ну пожалуйста-а, возьми на блядки разо-о-очек!..

Негодяй-Васька выставил пятую бутылку огненной воды. «Охотничья» была рыжей; как его чуб. Она таилась за ремнем на спине. Мы поняли, что смерть настала. Выпили и осознали смысл жизни в том, чтобы покататься на тракторе.

Мы разогнали его бегом, втроем вспрыгнули за руль, и через двадцать метров легли в кювет. Мы хохотали на всю ночную округу. Подошел Васька, отбрыкиваясь уже от двух девиц. Он пользовался успехом.

Я заблудился. Я чеканил строевой шаг туда и обратно по отрезку дороги, который вел из ниоткуда в никуда. Для поддержания сознания я орал строевые песни. Посередине моего маршрута плескалась лужа. Пересекая лужу, я опускался на колени и умывал лицо холодной водой. Последняя неубитая извилина в мозгу проводила реанимационные мероприятия.

Ночью я проснулся на нарах от жажды. Переполз в кухонную пристройку. Там наши уже кипятили чай на жестяной печурке. С такими лицами выползают из газовой камеры.

— Все муки ада!.. — сказал Серега.

— Долбаный колхоз!.. — сказал Вовка.
— Даже краденое пропить толком не могут!.. — сказал я.

До утра мы икали, рыгали, стонали и поздравляли друг друга с чудесным спасением.

Назавтра нас определили дергать турнепс. Бледный корнеплод упирался в земле, как противотанковая мина, и вылетал с бутылочным чмоком. Менее всего он напоминал что-либо съедобное. Им хотелось дубасить по голове ботаника, который его изобрел.

— Страшный сон, — сказал Серега.

— Хоть кормят досыта, — сказал Вовка.

А потом похолодало, мы ссыпáли картошку в бурты и укрывали соломой, и если зимой ее не съели кабаны, и до весны она не померзла и не сгнила, то это ее, картошкино, счастье.

ЯРОСТНЫЙ СТРОЙОТряд

Колонна

А это неплохо смотрелось. Возникало гордое гвардейское чувство.

Каре на Дворцовой площади размыкалось. Четырехтысячная колонна вытягивалась по середине Невского. Серая форма отблескивала серебряными пуговицами на погонах и карманных клапанах. Тельняшки и ремни придавали шествию настроение колониальной морской пехоты. Шевроны на рукавах пестрели геральдикой.

Оркестр в голове гремел маршевой медью. Милицейское оцепление держало тротуары. Ура, и в воздух чепчики бросали!

На Московском вокзале эшелоны стояли под парами. Комсомольские боссы рубили речи с переносных трибун. Опергруппы с красными повязками рассекали массу, сдвигая строй. Отряды ровнялись перед вагонами.

- ...авангард коммунистической молодежи!..
- ...всегда в самых трудных местах...

— ...наш труд Родине!..

С детства эти призывы успели нам надоесть. Но сейчас в них вновь ощущалась какая-то правда, и эта правда была наша. Слова переставали звучать пустыми и наполнились смыслом предстоящих дел. Такие дела.

На юг, на север и на восток отстукивали составы тысячи километров. Это была наша страна, и в нее ложился наш труд. Приходила проверка: мы были нужны, мы были хозяева, и мы тянули эту пахоту. Рубль, заработанный потом и мозолями, надежней золотого.

Мы знали без лозунгов, где пойдет хлеб, нефть и урановая руда по нашим дорогам. Каждая шпала, каждый кирпич и вынутая лопата грунта шли в общий зачет дела, которому мы служим.

Лица примеряли суровые выражения первопроходцев и работяг.

Никогда потом мы уже не были такими взрослыми, как в девятнадцать лет.

Гравий

Состав гравия был ссыпан километрах в пятнадцати, его весь уже подобрали на подъемку и в бетон. Понадобились замесы на очередной мостик через сухое весеннее русло. Из мехколонны выбили семитонный «КрАЗ», и после завтрака мы с Жекой поехали искать гравий. Говорили, что километрах в сорока выше по насыпи застряли брошенные остатки.

Обычный трехтонный зилковский самосвал мы вдвоем накидывали за сорок минут. Этот «КрАЗ» мы грузили

часа три, с отяжкой посылая лопату в гору. Только рессоры проседали.

— Уж доехали, так привезем побольше, — приговаривал Жека.

— Пустыня ровная, дорога твердая, — соглашался шофер.

Шофер нас уважал. По дороге мы угостили его термоядерной кубинской «Партагас» из сигарного табака. Он затянулся, выпучил глаза, перестал дышать и вильнул в сторону.

— Ни хрена студенты курят, — прокашлял он, стерев слезы.

Когда мы перевели дух и бросили наверх лопаты, а шофер оценил, что столько еще не везено, тонн десять нашарили, — солнце перевалило полдень. Мы обтекали и сохли в разводах соли. Хотелось пить — не то слово.

— Я еще подумал — чего они воды не взяли, — пожал плечом шофер. Он провел время, подремывая в тени под машиной, там протягивает воздух и прохладно.

— Да думали, чего там, одна машина... это быстро.

«КрАЗ» стронулся медленно и тяжело, плавно набирая инерцию. Так разгоняется гора на колесах. Рессоры стучали, просаживаясь и плющаясь.

Я узнал вкус жажды. Язык немного распух, и ему было неловко во рту. Скучная вязкая слюна несла тухлым сыром. Желание пить приобрело ощущение горчичника в груди и горле.

— Скоро дома будем, — ободрил шофер, срезая радиус колеи напрямик и въезжая в такыр. Перегруженный «КрАЗ» мягко продавливал корку все глубже, замедлял ход и опустился на дифер.

— Твою мать, — смекнул шофер. — Сели.

Мангышлакская пустыня поката, как стол. Такыры, пересохшие летом соляные озера, созданы для гоночных рекордов. Растрескавшаяся белая корка держит сцепление лучше асфальта. Этот — недосох. Пятисантиметровый панцирь проломился, и колеса месили тугую бурую грязь, вязкую, как крем.

Мы обошли кругом место крушения и матом помогли шоферу газовать. Потом закурили и решили ловить помощь. Место проезжее.

И через четверть часа прикатил «зил» с гравием! Он шел в лагерь лэтишников.

Мы проделали ему трос дважды вокруг буфера, «Зил» врубил заднюю и стал газовать и тужиться.

— Давай! — орал наш из воющего в такыре монстра.

«Зил» взревел, уперся и дернул. Он обрел странный вид. Он стал голый, как женщина без юбки.

Мы упали от хохота. Уж очень дикий облик! «Зил» сдернул себе весь передок. Капот с буфером и крыльями, держась за наш трос, лежал на земле. А самосвал, с голым двигателем на голой раме при голых колесах, отскочил взад метров на десять.

— Хороший трос какой, — цинично оценил наш шофер.

— Вот такого я не видел... — отреагировал их шофер, заново знакомясь со своим аппаратом.

— Давай за раму заведем, — предложил наш.

— А себе за яйца заводить не пробовал? — поинтересовался тот.

— Оторвутся, земляк.

— Что и требовалось доказать!

Итого мы с Жекой вскарабкались в кузов, взяли лопаты и принялись сбрасывать свой кровный гравий вниз.

Скидав полкузова, сыпанули дорожки под передние колеса, а остальное сгребли под крутящиеся задние. А «ЗиЛ» со своим непристойным голым передом, святой его водила, тащил нас задним ходом, заведя-таки трос за раму.

«КраЗ» облегчился тонн на пять, под колесами схватилась гравийная подушка, и мы вылезли. Помогли «зилку» пристроить облицовку и прикрутить хоть проволокой в дыры срезанных болтов. И поехали в лагерь ЛЭТИ. На ближайший водопой.

Они как раз кончали обедать.

— Чего ж — воды, — стрельнула глазастая-грудастая поваришка и набуровила нам по литровой кружке холодного компота. Райское наслаждение длилось секунду.

— Попить можно? — повторили мы, переминаясь.

Их водяная цистерна была вкопана за окном. Мы вытянули ведро и стали по очереди вливать в себя литровой кружкой. Когда ведро опустело, за окном маячили расширенные глаза. Цирк проездом: человек-конь!

Из чистого понта мы набрали еще ведерко и попили вразтяжку. Вода плескалась в ноздрах.

Походкой беременных ковбоев мы переместились в наш «КраЗ», героически сделали ручкой и уплыли счастливые.

— Гравия жалко, — ругался я.

— Вернемся и выковыряем? — предложил Жека.

...Норма воды на погрузке гравия определилась эмпирическим путем: один самосвал — один час — один литр. Пол-литра на нос. Нагрузил — выпил. Десять часов — десять машин — пять литров. С чаем утром-вечером и обеденным компотом — семь литров принял и не грешу.